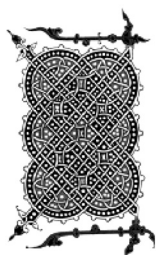

ТЕОРИИ. КОНЦЕПЦИИ. ДИСКУССИИ

© 2023 О. В. Кириченко

Москва, Россия

РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена актуальной сегодня теме «русского патриотизма» как исторического явления, не имеющего отношения к националистической злободневности, вытекающего из сформировавшейся за многие века этнической ментальности, этнической культуры, этнической традиции русского народа. Автор показывает, что русский патриотизм как «чувство, вера и знание», реализуемое по отношению к государству, прошел долгую, многовековую школу освоения высоких смыслов, выраженных в понятиях «Русская земля», «Святая Русь», «Москва – Третий Рим», и в этом качестве может рассматриваться как составная часть устоявшегося русского этнотипа, с его конкретными этническими границами и константами. Мы показываем, что Российское государство, заинтересованное в скором и эффективном решении чисто государственных проблем, с начала XVIII в. проводит новую политику формирования патриотизма – отдельно государственную и народную. Прозападный официальный курс трансформировался за прошедшие триста лет, но сохраняется до сегодняшнего дня. Противоречие, заложенное в основу этой модели, до сих пор оказывает негативное влияние на эффективность патриотического воспитания в стране, в том числе и на русский патриотизм.

Ключевые слова: русский патриотизм, Русская земля, Святая Русь, Москва – Третий Рим, русское православие, славянство, идеология, этнос, нация, Отечество, Родина.

Ссылка при цитировании: Кириченко О. В. Русский патриотизм как историческое явление // Традиции и современность. 2023. № 32. С. 3–13

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Народы России: социально-антропологические, этнологические, этнодемографические и историко-культурные исследования»

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Victorovich) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: kirichenko.oleg.1961@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 32. С. 3–13

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 261.7; 342.71; 323.21; ББК – 60.0; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-32/3-13>

Говоря о русском патриотизме как о чем-то особенном, нельзя не понимать, что любой патриотизм имеет свое этническое лицо, свои особенности – содержательные, исторические, смысловые, сущностные. При этом у всех народов патриотизм является не только государственной прерогативой (в том смысле, что это часть государственной идеологии, наиболее близкой народу), но и делом церковным, а также народным (этническим). Не исключение и русский патриотизм, существующий в единстве государственного, церковного и народного начал.

Нам приходилось в отдельной работе писать о том, как формировались в истории России такие фундаментальные понятия, как *Отечество* и *Родина* (Кириченко 2020: 173–246), как закладывался фундамент, на котором и доныне стоит это величественное здание, в котором каждый кирпичик знает свое место и каждый – не просто «безгласный камень», но живой, говорящий свидетель времени. Было показано, что поначалу первенствовало *Отечество*, более фундаментальное и общее понятие, обозначающее территорию как владение. *Родина* же долгое время, весь традиционный, средневековый период, до конца XVII в. обозначала «малую этническую территорию», место рождения. Но с Петровской эпохи началось расширение понимания Родины и постепенное насыщение этой абстракции новыми смыслами. За Отечеством устанавливается гражданско-правовой статус, принадлежность к стране, а за Родиной – содержательная сторона Земли, то есть указание на ее этническое лицо. Что же касается проблемы иерархии субъектов процесса формирования патриотической идентичности, то, конечно, всегда здесь первенствовало государство. Но оно по-разному в каждый исторический период реализовывало свою задачу.

Патриотизм как явление, целиком привязанное к защите народом своих территорий, своих духовных и материальных ценностей, защите народом самого себя, включая самых незащищенных и уязвимых для вражеского меча, конечно, теснейшим образом привязано и к государству. Государство – главный субъект, организующий защиту всего и вся. Вот почему, как бы в деле патриотизма ни выделяли роль Церкви или народа (этноса), государство все же в данном вопросе оказывается главным. Мы защищаем страну, чтобы сохранить народ и Церковь. Более того, если посмотреть на исторический путь русского патриотизма (а такой существует!), то мы увидим, что на каждом отдельном отрезке, где первенствуют негосударственные силы, все же обязательно происходит *огосударствление* полученных результатов патриотической деятельности. Это закон патриотической деятельности. Любой

духовный порыв ради защиты своей страны, веры, народа должен получить печать государственного кодифицирования.

1. На первом историческом этапе, с X по XIII в., когда первенствовала гражданская идея «Русской земли» (она была Отечеством!) как основной тогда ценности (о чем однозначно свидетельствуют все русские летописи) (Горский 1994: 6), мы видим образование первичного контура, оболочки только русской этничности. Отечеством, в лице Русской земли, была территория владения князей Рюриковичей, это была в большей степени *дедина и отчина* их, мало еще привязанная к славянскому и прочему населению государства. Но это было уже начало этнической истории русских, начало их русского этногенеза, хотя и связанного со славянскими корнями, но уже ищущего исторической укорененности, привязки к письменной, Византийской, истории. Соответственно, происходило удаление от бесписьменной, устной общеславянской и еще далее – общеиндоевропейской – истории. Бесписьменной она была в силу отсутствия привязки к коренной своей территориальности, в силу движения по периметру Земли, от одного места к другому. *Русская земля* как гражданская идея, вынесенная правителями Рюриковичами и славянским боярством в основу государственной идентичности, относилась к первичной форме национальной идеи. С *Русской земли* начиналось создание русской/российской нации, то есть гражданского еще, а не этнического сообщества. И патриотизм, соответствующий этой – гражданской – идентичности, мы вправе связывать только с этой и никакой иной реальностью. Значит, путь русского этногенеза следует начинать с формирования узко (и локально) гражданской идентичности. Мы допускаем, что простой народ (особенно в сельской части Руси) в эти четыре (!) столетия продолжал жить реалиями не столько письменного настоящего, но и бесписьменного прошлого. Его гражданская идентичность была еще размыта и не привязана к официальной идеологии, что влияло и на патриотическое сознание. Соответственно, и у власти не было достаточных рычагов, чтобы на уровне чувств, сердечной привязанности, вести просвещение славяно-русского населения в духе патриотизма. Поэтому в эти века существовал определенный разрыв между патриотическим воспитанием в городе и на селе. Патриотизм был элитарным, локальным, городским, нерелигиозным. То, что он был только гражданским, придавало свою условность, патриотизм был светским, в нем было много византийских заимствований, это был патриотизм, «как в Византии». В силу этого он был элитарным, великокняжеским, боярским. Локальным, потому что у каждого княжества был свой

отдельный патриотизм, который лишь условно был привязан к общерусскому, к термину «Русская земля». Нам думается даже, что нарочитая идеологичность этого термина должна была выполнять определенную иерархическую, а не только объединяющую отдельные территории роль. Однако, как это ни странно, всех устраивал этот термин, поскольку в нем было что-то гораздо большее, чем идеологическое клише, какая-то перспектива на будущее, нечто единящее всех и одновременно демонстрирующее другим странам, и в первую очередь Византии, четкую и определенную позицию.

Следовало бы еще подчеркнуть другой важный факт, касающийся культурной деятельности Византии начиная с IX в., приведшей к началу масштабного созидания здесь светской литературы, точнее словесности, христианской по акцентировке, вместо античной – языческой по духу. Также в это время начинается масштабное просвещение славянских народов на основе славянской азбуки солунскими братьями святыми Кириллом и Мефодием. Это литературное возрождение, пришедшее и на Русь сразу после ее крещения в 988 г., оказало сильнейшее влияние на государственную идеологию, определяемую нами как «Русская земля». В чем смысл сказанного? Гражданская идентичность, а соответственно и патриотизм, формировались на культурной основе, большей частью словесной, церковной и светской, христианской, православной; что сразу же открыло перспективу не только для церковной древнерусской сферы, но и для светской, в том числе государственной и общественной (социальной и этнической). Культурная почва, на которой взращивалась идеология «Русской земли», в значительной степени смягчала формализм идеологического орудия, в связи с чем такой ярко идеологический памятник, как «Слово о полку Игореве», проводил государственную идейность незаметно для читателя и слушателя. И это же обстоятельство (культурный фон) позволило сохранить понятие «Русская земля» и для последующего употребления (в XIV–XV вв. и т. д.) как нечто живое, сердечное, близкое и понятное народу.

Что понималось под Русской землей, какое Отечество стремились защищать в этот период? Отечество, привязанное, по библейским меркам, к наследию потомков праотца Иафета. Наследие, которое по жребии, полученному сыновьями Ноя, обрели славяне на Руси. На это ориентировали все начальные страницы русских летописей. Был и другой аспект, тоже библейский, но скорее провиденциалистский, нежели правовой, юридический. Он был представлен в «Законе и благодати» митрополита Киевского Илариона. Здесь говорится о русских как наследниках ветхозаветной эпохи, по-

скольку, став христианами, русские приобщились к традиции «завета с Богом», вошли в этот союз человека (народа) с Богом. Связи с чем русским надо было хорошо понимать смысл ушедшего в прошлое служения Богу «в законе», но еще важнее – понять смысл настоящего служения «в благодати». Заметим, что в данном случае сложная богословская «новозаветная идея» была изложена митрополитом Иларионом со всей ясностью национальной идеи. Язык культуры и здесь сыграл свою роль приобщения недавно крестившихся граждан Руси к церковному пониманию происшедшего. Если же обобщить ценностный ряд, стоящий за понятием «Русская земля», то выходит, что это земля, полученная по закону, по жребию, от праотца послеопотопного человечества, и это земля такого же завета с Богом, каковой была земля обетованная ветхозаветных евреев, то есть святая земля.

2. Новый этап формирования государственной идейности начинается в XIV в. и длится он около 150–200 лет. Мы обозначаем этот период как время *Святой Руси*, что для государства очевидным образом было связано с опорой на завершившийся русский этногенез, то есть на процессы, проходившие в этнической сфере. Не область культуры, а область социального бытия, в его этногенетическом аспекте, становится почвой для формирования патриотической идеологии. Русь и в эти столетия продолжает находиться в поле влияния Византии, где в XIV в. идут паламитские споры. Спорящие в течение 20 лет о природе Божественного света, благодати святитель Григорий Палама и Варлаам Каламбрийский постепенно втягивают в этот спор всю Византию. Участниками спора делается даже простонародье, что говорит не о праздности происходившего, а о глубине и важности спора для страны и народа (Прохоров 1968: 94; Бычков 1991: 426). В курсе происходящего и Русь, русские монахи целыми общинами живут в Константинополе, переписывают книги по исихазму, занимаются переводами, отвозят книги домой, в монастыри, откуда они прибыли (Лихачев 1987: 109–110). Святитель Алексей, митрополит Московский, два раза посещает столицу Византии и тоже знакомится здесь с исихастским богословием, сам занимается переводами с греческого (Святитель Алексей, митрополит Московский 2015: 20, 24). Дома он беседует на эту тему с Сергием, игуменом Радонежским, который получает из Константинополя дары от патриарха как признание его духовных заслуг. Библиотеки в монастырях Северной Фиваиды мало чем отличаются по составу книг исихастского содержания от Афонских библиотек.

Для византийского монашества, как и русского, исихазм стал основой духовного возрождения,

но вместе с тем этот общий монашеский ренессанс повлиял и на светскую сферу, прежде всего, на этногенетические процессы как в Византии, так и на Русской земле. В Византии монашество становится самой авторитетной силой в стране, что нашло признание даже в государстве. На императорском престоле воссел император, покровитель исихастов Иоанн VI Кантакузин. Г. М. Прохоров, исследовавший влияние исихастского богословия на светскую власть, употребил даже термин «политический исихазм» для обозначения глубины влияния паламизма на государственную жизнь византийцев (Прохоров 1968: 95). XIV и первая половина XV в. стали для византийского народа, гражданской нации ромеев, временем утверждения греческого этноса. Уже не как наследников античных эллинов или граждан Восточной Римской империи (тоже представителей античности), но как греков-христиан. Это было жизненно важно накануне падения Византийской империи не только для греков, но и для всего православия.

Похожие процессы протекали в те же годы и на Руси. Из переводной византийской литературы наиболее популярными у монахов и мирян становятся здесь жития святых (Лихачев 1987: 120). Монашеская жизнь становится необычайно популярной. Если посмотреть на житийные тексты русских святых XIV–XV вв. с этой стороны, то мы увидим, что в каждом житии звучит эта тема «популярности». В житии Сергия Радонежского говорится, что преподобный долго противился этому наплыву новых людей к себе в монастырь, долго держался цифры 12, по образу двенадцати апостолов, ближайших служителей Христа, Его друзей, как Он Сам их называл. С Симона архимандрита началось постепенное увеличение братии. И далее летописец замечает: «Многие люди из различных городов и мест пришли к Сергию и жили с ним, чьи имена в книгах жизни» (Житие Сергия Радонежского 1999: 120). Появилась слобода рядом с монастырем. «Слух о жизни преподобного этого широко распространился, тогда много людей из различных мест посетить его приходили, желая лишь увидеть его, и те, кто видел его, возвращались восвояси и, друг другу рассказывая о Сергии, удивлялись» (Житие Сергия Радонежского 1999: 327). В житии преподобного Кирилла Белозерского говорится: «Известно же было о преславных чудесах святого не только окрест монастыря, но и в чужих странах. О святом Кирилле известно было князю Михаилу Белевскому» (Житие преподобного Кирилла Белозерского, Вологодского чудотворца 1997: 40). Известие о святом обязательно должно дойти до слуха князя, местного или Московского. Это высшая степень популярности, завершающая волна его славы. Ведь, как пишет

автор жития преподобного Ферапонта, Белозерского чудотворца, «князь тот (великий князь Андрей Димитриевич. – О. К.), как и другие благоверные и благочестивые великие князья, заботился, чтобы отечество процветало во славу Того, Кто живет на небесах, – в род и род, и в бесконечные веки веков. Аминь» (Жития преподобных Ферапонта и Мартиана Белозерских чудотворцев 1998: 46).

Если в XI в. Русь знала только монахов-подвижников Киево-Печерской обители, а большая часть ее монастырей была городского происхождения, то в XIV–XV вв. ситуация кардинально изменилась. В новые, общежительные, сельские монастыри пошли не только бояре и воины, но и простые крестьяне. Если бы были цифры, было бы легко показать, как резко увеличилось число желающих поступить в монастыри. Мы имеем более-менее определенные цифры на начало XVI в. Тогда, по подсчетам историка Копанева, население Московской Руси составляло 6 млн человек. Из них, приблизительно, мужчин было чуть меньше половины, то есть 2,5 млн. Монастыри Северной Фиваиды в среднем имели по 120 человек в обители, Троице-Сергиев – 300 человек. За полтора столетия появилось 150 новых мужских монастырей. В них пребывало, с учетом Сергиева монастыря, 18 300 монахов. От 2,5 млн мужского населения это 0,7%. Примерно каждый сто тридцать седьмой мужчина в начале XVI в. шел в монастырь. При этом в основе их мотивации ухода из мира лежал идеал святости, как следствие просвещения житийными текстами, как следствие общения с подвижниками (или знаний о них). Не ушедшие в монастырь, при столь большом показателе отклика мирян на монашеский призыв, тоже были в той или иной мере включены в это движение. Не имея возможности уйти, они в миру готовы были учитывать этот идеал в своей жизни. Во всяком случае, огромное число вкладов в монастыри этого периода, земельных, вещевых, денежных, свидетельствует об особом отношении мирского человека к монастырю (Комиссаренко 1990: 5).

В целом же столь интенсивное общее социальное движение в одном направлении, в котором участвовали князья и бояре, за эти полтора столетия привело народ в качественно новое состояние. Его гражданская идентичность (граждан Русской земли) дополнилась и укрепились этнической идентичностью, в основе которой лежала церковная идея Святой Руси. Так к концу XV в. произошло созидание нового этноса – русского народа, с его святорусской этнической идентичностью. Для правителей Московской Руси Святая Русь становится основой для формирования новой – святорусской – идеологии, а патриотизм становится святорусским, то есть церковным по духовному содержанию. В литера-

турных памятниках «Куликовского цикла» – произведениях XV–XVII вв., посвященных Куликовской битве, – звучит и старое понятие «земля Русская» (и оно не в начале, а в конце перечисления), и новые: «святые церкви», «вера христианская», «своея отчины», «за правоверную веру христианскую». За них билось воинство на поле Куликовом (Памятники Куликовского цикла 1998: 23, 119). В этих текстах «отчина» явно выходит на первое место, по сравнению с «Русской землей», – «отчина-Москва», «отчина-Тверь», «Дом Софии, Премудрости Божией». Но «отчина-Москва» первенствует над другими «отчинами-отчествами». У «отчества» появляется в этот период дополнительный смысл, содержание этого термина расширяется. Это уже не просто владение князя, «земля», но земля, наполненная церквами, верой христианской, самобытным отцовством как традицией. В «Житии Михаила Ярославича Тверского», произведении начала XV в., Тверская отчина – это часть общерусского мира, мира «русского народа», как отмечает автор жития. Это сокровенный, самобытный мир «отчины», посягательство на который приводит к общерусским бедам. Правда святого князя-мученика Михаила состоит в значительной степени в опоре на то, что ему было даровано от отца, по рождению, в опоре на отчину и непосягательство на чужое. Обозначим этот период как время «этнического» святорусского патриотизма, корень которого находился в следовании церковному идеалу.

3. Следующий период формирования новой государственной идеологии был связан с изменившейся ситуацией в христианском мире, падением Византии и осмыслением положения русского государства в контексте поддержки им общецерковной миссии. Это время с XVI по XVII в. включительно. У русского государства в XVI в. появляется право преемственности «по благодати», а не «по закону» с Византийской державой, Вторым Римом. Русь не принадлежала ни к античной цивилизации, ни к греческой, ни к римской, и по закону ни о какой преемственности с Византией нельзя было говорить. Хотя царь Иоанн IV и выводил род Рюриковичей от Пруса, родственника императора Октавиана Августа. Но исторических доказательств у этого мифа не было. Евангелие и апостольские послания указывают на то, что «дичок» может прививаться к «благородной маслине» не по закону, а по благодати, то есть по воле и Промыслу Божию, ради некоей Церковной миссии. Вот почему выдвинутая теория «Москвы – Третьего Рима» возникла не из воздуха, она опиралась на реальную ситуацию как в России, так и в православном мире.

На какую почву в этом случае могло опираться государство, чтобы проводить в жизнь третьерим-

скую идеологию и формировать третьеримский патриотизм? Во-первых, оно могло опираться теперь только на себя, поскольку Византия в качестве инициатора духовного возрождения перестала существовать. Теперь России необходимо было самой инициировать процесс возрождения и самой же формировать светскую сферу, откликнувшуюся на успехи в церковно-монастырской среде. И такие цели ставились Церковью и государством в лице Иоанна IV Грозного. Митрополит Макарий разрабатывает обширную программу по сбору агиологических материалов, касающихся почитания русских святых, иницируются многочисленные прославления, делаются попытки решить важные вопросы в области церковного благочестия, обрядовой жизни, книжного просвещения, наведения порядка в приходской жизни и т. д. Новые задачи церковной миссии, стоящие перед Церковью и государством, требовали и нового церковного, более ярко выраженного символического языка. Поэтому появляются особые крестные ходы из кремлевских соборов на Красную площадь с участием царя и митрополита, позже – царя и патриарха. Это были символические *церковно-государственные действия*, в которых участвовали царь и патриарх, ярко был обозначен их евангельский, а иногда и эсхатологический подтекст. Проекция небесного града Иерусалима, небесной Церкви на Церковь земную была очевидна. В войне с Казанским ханском, как повествует иконописное полотно «Воинствующая Церковь» (середина XVI в.), на стороне русского войска участвовала вся небесная рать во главе с Архистратигом Михаилом. Всё как будто шло к постепенному созиданию Москвы как Третьего Рима, учитывая и падение Казанского и Астраханского ханств, разворачивание церковной миссии на восток и юг, в северокавказские земли. Активно строилась империя, требующая новых возможностей управления окраинами, новой внешней политики, нового понимания внешнего и внутреннего врага.

Новая внешняя политика означала не только ведение новых, масштабных войн, но и открытость по отношению к иностранцам. «Прорубать окно» в Европу начали в России уже при Иоанне Грозном. В период правления царя Василия Васильевича, отца Грозного, в Москве разрешили разместить немецкую слободу, ради торговой и медицинской деятельности и службы. При Грозном число иностранцев, и особенно немцев, быстро увеличивается. К сожалению, начинается по отношению к ним несколько иная, чем прежде, политика: их правовое положение не просто укрепляется, оно укрепляется за счет русской стороны. Как показал случай с русским митрополитом, который осадил иностранца за недолжное поведение, правда априори была на

стороне иностранца, митрополита же царь наказал немалым штрафом (Цветаев 1887: 23). Действительно, при Грозном иностранцы, больше частью немцы, протестанты (лютеране), обрели в Москве небывалую свободу. Хотя царь и отказал протестантам в просьбе открыто проповедовать их веру, но строить храмы в столице им разрешалось, и образ их жизни был открыт москвичам. Немало иноземцев-протестантов было приглашено царем на службу на весьма льготных условиях; кроме жалованья они получали землю и крепостных крестьян (Цветаев 1887: 29). Таких нужных людей вводили в круг высшего боярства, открывали им льготы для «прибыльной продажи вина». Так что немцы при Грозном не только торговали, но и лечили придворный люд, служили чиновниками, состояли на военной службе. Немцы нужны были царю для того, чтобы распространять в Ливонии благоприятное мнение о русском царе. Масштабы приглашения иностранцев были велики. Осуществлялась широкая программа распространения в Московском государстве (а не только в столице) «наук, искусств и ремесел» (Снегирев 1862: 3). Так из польско-литовского королевства «в Москву приехала большая группа миссионеров, торговый обоз их состоял из 1300 человек (718 воинов и 643 купца)» (Цветаев 1887: 30). Англичане (тоже протестанты) также сумели получить невиданно и необъяснимо льготные условия беспошлинной торговли в России. В феврале 1554 г., сразу после возвращения царя из Казанского похода, состоялась его встреча с английским послом Ченслером, после чего в Англии сразу же возникла новая торговая компания для торговли с Россией, Персией и северными странами. Названа она была «Русская компания». Фактории компании были открыты в Москве, Вологде, Холмогорах. Англичанам был подарен дом рядом палатами Романовых (сохранившийся до сих пор). Торгующие англичане могли свободно въезжать и выезжать из страны, иметь склады в Великом Новгороде, Пскове, Нарве, Дерпте, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани, свободно передвигаться вниз по Волге. Им разрешалось беспошлинно везти товары в Шемаху и Бухару, Самарканд, потом и в Персию, иметь монополию в гаванях «Ледовитого» и Белого морей, самим наказывать нарушителей, захватывать суда, переплавлять монету, искать руду в Вычегде (Цветаев 1885: 10–12). И наконец, английскую торговую компанию взяли под свою защиту опричники, она была выведена из области земщины.

Новым явлением был и брачный интерес к иностранцам. Сам Грозный одно время сватался к английской королеве, также и бояре получили свободы в этой области. Как известно, герцог Магнус,

брат датского короля Фридриха II, сватался к царской племяннице Марии Владимировне. С датчанами хотел породниться Борис Годунов через свою сестру Ксению (Снегирев 1862: 5). Годунов был увлечен иностранцами: имел при себе пять врачей из числа немцев, а когда пришел к власти, помогал немцам в строительстве новых кирх – выделял деньги на строительство, давал колокола для колоколен (Снегирев 1862: 8). Лютеранская кирха была даже в Кремле. Ее убрали только при Михаиле Федоровиче и патриархе Филарете. Тогда же выяснилось, что немцы давно уже строят в Москве свои кирхи-«ротаты», не спрашивая разрешения власти. Множество их было упразднено или перенесено за город.

При Грозном сам царь вел с протестантскими пасторами споры о вере, отдельные православные священники-миссионеры трудились в московских православных храмах. Но наибольшее негативное воздействие на православных оказывало вольготное положение протестантов, обозначенное и поддерживаемое самим царем, их поведение, высокомерие, особые манеры, непохожая на русскую одежда, бритость лиц, принципиально иное отношение к религии (отрицание икон, нарушение постов). Столь благожелательным отношением к иностранцам царь словно поддерживал их образ жизни, касающийся их унифицированной и во многом секулярной религиозности, что не могло не вносить смуту в души русских людей.

Эти два процесса: один, направленный на создание государственных основ Москвы – Третьего Рима (а значит, и третьеримской идеологии и третьеримского патриотизма), и другой, параллельный, ориентированный на привлечение людей из Западной Европы с предоставлением им самых льготных условий, – как-то не соединялись друг с другом. Для воспитания и поддержания патриотических чувств важна однозначность и определенность. И вот впервые в русской истории такая определенность была нарушена. Возможно, при самых добрых намерениях царя. Но именно она привела его к созданию опричнины, в противовес земщине, чем царь сам зафиксировал наметившийся в обществе раскол по поводу «идеального» и «реального» состояния дел в государственной идеологии. Но смута, посеянная в душах как представителей земщины, так и опричников (тем более запечатленная многую невинную кровью, в том числе святой), уже после кончины Грозного не могла не вылиться в общегосударственную Смуту, чуть было не погубившую страну и Русскую Православную Церковь. Такова наша оценка «третьеримского патриотизма» времен Грозного.

Тем тяжелее было русскому патриотизму обрести свой подлинный путь, найти себя в годы Сму-

ты, настолько все перемешалось, настолько было много предательства, непонимания, что делать и как помочь стране. Источники говорят об активном участии небесных сил (в лице русских святых, и прежде всего преподобного Сергия Радонежского) в жизни страны, направленном на правильный и спасительный выход из сложной ситуации. Иными словами, государственная идеология «Третьего Рима» при царе Иоанне Васильевиче Грозном потерпела фиаско, «третьеримская идеология» не стала идейной базой для соответствующих патриотических настроений всего русского общества, не вошла тогда в кровь и плоть русского человека, она как бы прошла мимо него, не усвоилась им. Осторожные попытки при царе Алексее Михайловиче вернуть страну в поле третьеримской идейности опять же чуть было не закончились катастрофой, открыли дорогу расколу в Церкви, а значит, и расколу во всем русском обществе. Нереализованная третьеримская идея опять повисла в воздухе, что и объясняет дальнейшие шаги российской власти в лице Петра Алексеевича, обратившегося за опытом к Первому – Западному – Риму.

4. Имперский период России, с XVIII в. по 1917 г., как и последующий советский период, это время торжества откровенного западничества, в результате чего византийское наследие было отодвинуто максимально далеко (хотя и не уничтожено), что заставляет нас сделать вывод о минимальном участии и византийского наследия России X–XV вв. в формировании государственной имперской и советской идеологии. Соответственно, в это время русский традиционный патриотизм сохраняется не в формах государственной идеологии, а в частном виде, как личное дело человека. Так же по личным каналам он находит поддержку у правящей власти. Елизавете Петровне хотелось лично поддержать русских военачальников, русских царедворцев, и она это делала. Так же действовала и Екатерина II, при которой выросли такие государственные деятели и военачальники, как Г. А. Потемкин, А. В. Суворов, П. А. Румянцев, Ф. Ф. Ушаков (святый праведный Феодор) и др. Но, если случилось попасть на престол императору с другой позицией (Анна Иоанновна, Петр III), ничто не мешало ему проводить антирусскую политику. То есть «третьеримский механизм» не работал, все зависело от случая. Российская империя, взяв за основу западную модель имперскости, по форме была, конечно, *Rex Romana*. Но ее прошлое, которое имперская власть не хотела активизировать, все-таки было объективной реальностью. С этим прошлым не хотели и не могли расстаться ни Русская Православная Церковь, ни православный по вере русский народ (не только простонародье, но и часть дворянства), ни

духовенство в массе своей. И государство, пусть и без третьеримской идеологии, не могло этого не учитывать. Вот почему Римский мир, Римская ойкумена постепенно становится *Imperium Romanum Orientale*, православным мировым порядком, с христианским законом в основе. Западный Рим обретает православные черты. В чем отличие этого проекта от третьеримского? В понимании светскости. Светскость в Третьем Риме, как и во Втором, в Византии, была тесно привязана к Церкви, к вере, религии, православной духовности. Византийская светскость была освобождена от античного языческого наследия, хотя позже частично вновь попала в прежнюю зависимость, но уже в период европейского Ренессанса, через европейский рационализм и секулярность. И все же правилом для Второго (а значит и Третьего) Рима была светскость, привязанная к православию, а не к атеизму и рационализму. В случае же с российской светскостью имперского периода мы видим, что правилом (шедшим от государства) была рационалистическая светскость, хотя и без атеизма. Но сам по себе рационализм, как заметил А. Ф. Лосев, анализируя духовную природу европейского Возрождения, уже нес в себе нечто религиозно чуждое христианству, а именно – талмудистский теософский мистицизм и каббалистское мировоззрение (Лосев 2022: 362–381). И хотя Россия переняла у Запада только результат рационалистической деятельности, не пройдя через все ступени формирования этой идейности, тем не менее она включилась в этот процесс, который, конечно, имел негативное влияние на единство ее духовности. Духовность не имела целостности и в светской сфере (научной, культурной, государственной), все было разделено на сегменты, и потому государственная идеология «православного миропорядка», православный глобализм, эсхатологический по направленности, не работали. Говорить о единстве патриотической мысли, патриотического чувства в имперский период не приходится.

В имперский период на смену главенству понятия «Отечество» постепенно приходит понятие «Родина», что стало следствием ненужности на этом этапе сложного по содержанию «Отечества». У нового главенствующего понятия, кроме женского рода, был свой смысловой ценностный ряд. В нем не осталось смыслов, привязанных к властедержанию, владению землей, населяющим ее народом, прошлому – от библейского (хронологического) до евангельского (асинхронного, вневременного). Территориальная привязка сохранялась, но она указывала лишь на место рождения. Главным же в новом главенствующем понятии становилось значение «лона», материнства, конкретно человеческого происхождения. Это было словно добавление к

холодности и абстрактности иностранного Первого Рима, как дополнительный – русский – элемент этой сложной для русского человека конструкции. За счет этого элемента и русский патриотизм не был столь абстрактным, каким он мог быть в новых условиях. Большой ценою, потерей важнейших для русского человека смыслов, заложенных в слове «Отечество», ценою введения достаточно узкого термина положение с патриотизмом более-менее выправлялось. Образ Родины в начале XX в. – это образ идеальной славянки, сохранившей в себе черты древнего прошлого русского народа и других славянских, православных народов. И такой патриотизм следовало бы обозначить как «славянофильский», если бы образы «Первого Рима» и «Родины-Славянки» находились в полной гармонии и единстве. Но этого не было, как не было и единого патриотизма. Условно назовем этот симбиоз, не имеющий единства, «имперским патриотизмом».

5. «Советский», гражданский патриотизм, отражающий принадлежность народа к советской партийной и государственной власти, власти «народа», все же не мог удовлетворять народ в полной мере, как того хотела власть. В этом патриотизме явно недоставало этнической и религиозной составляющих, вообще было изъято прошлое, не учитывалась объективность всего того, что буквально окружало людей в виде культурных артефактов, что было в языке, поведении, привычках, традициях, что связывало человека в одно целое со страной, социумом, в котором он жил, даже со смыслом жизни. Почему в 1920-е годы советская власть этого не учитывала, а строила свою идеологию, целиком полагаясь на идеологический, партийный контент? Только в силу самоуверенности, идеализации своих сил и возможностей после захвата власти в такой огромной и сильной стране, как Россия. Ей казалось, как и французским революционерам в 1789 г., что одним насилием, одним утверждением революционного закона все можно изменить, устроить новую жизнь без богатых и бедных, без Церкви и веры, без пороков и несправедливости. Но очень скоро и тем и другим стало ясно, что одним «законом», без «благодати», никакой новой жизни не построить. Наполеон поднялся на волне «французского патриотизма», как и Сталин в большей степени использовал реабилитацию русского народа, помещенного Лениным на уровень «жандарма-держиморды», чтобы вернуть его расположение. Все 1930-е годы осторожно для русских стали открываться равные возможности в государственной, партийной, военной сферах, а в период Великой Отечественной войны, с 1943 г., и Русская Православная Церковь получила хотя и ограниченное по масштабам, но все же свое «место» в воспитании народа. Таким образом, в ста-

линский период правления, начиная с 1930-х годов и заканчивая 1940-ми, за двадцатилетие сложилась та форма патриотизма, в которой сосуществовали два разнородных элемента: а) советский, государственный, партийный идеологический патриотизм и б) этнический (для русского народа – русский) патриотизм с небольшим акцентом религиозности.

Данная модель в чем-то напоминала дореволюционную имперскую, в которой тоже были: а) официальная гражданская часть, ориентированная на западноевропейский стандарт, и б) народная, но сублимированная, как славянофильская идея о том, что есть «народное». В советской модели роль «западноевропейского» элемента выполняла «марксистская идейность», по происхождению тоже европейская. А народная часть была очищена от ненужных «примесей» религиозности и монархизма. Здесь также первенствовало женское, эмоциональное понятие «Родина», вместо традиционного русского «Отечества». Оно получило еще более очевидные антропоморфные черты, стало еще более языческим, тяготеющим к мемориальности, скульптурности, грубой осязательности форм, но при этом и к простоте и ясности выраженного таким образом смысла. Последующий отрезок советской жизни, после 1940-х годов и вплоть до конца 1980-х, не добавил ничего нового в советский концепт. Может быть, за эти годы лишь расширился список выдающихся сынов и дочерей «Родины», которые прославили ее в разных областях жизнедеятельности, за счет чего и сама Родина-мать приобретает черты великой богини-воительницы и стража рубежей Советского Союза (как на Мамаевом кургане, в Киеве и других мемориалах). В советский период так и не сложилось единой формы патриотизма. Пока не было поводов защищать страну, патриотизм имел вялотекущий, официальный, партийно-государственный характер. Полет в космос Ю. А. Гагарина, великие стройки (восстановление разрушенного войной, БАМ и др.) – все это падало в копилку государственного патриотизма. Но как только от народа требовалось живое участие, сразу включался ресурс этнического патриотизма. Таким образом, манипуляционная деятельность в области патриотического воспитания в советское время учитывала оба этих фактора. Но «советский патриотизм» от этого только проигрывал, отсутствие единства в нем было слабой стороной, указывающей на то, что не все в порядке в «датском королевстве», при всей его могучей силе. Итак, это был «советский патриотизм».

6. Современный российский патриотизм как прямой наследник советского также содержит в себе родовые черты «послепетровского» патриотизма, за три века существовавшего последователь-

но в двух разных формах: имперской и советской. То есть в основе его лежит прозападный вариант официального, государственного (гражданского) патриотизма, а за пределами его находится «народная» сила в виде сублимированного народного (этнического) патриотизма – как поддерживающая и укрепляющая. Этот патриотизм пока движется тем же путем, что и советский. У него был свой «ленинский» период, который олицетворяет фигура Б. Н. Ельцина, с его радикальным проамериканским, глобалистским либерализмом, когда напрочь отрицалась какая-либо народная (тем более русская) форма патриотизма и патриотизм был только официальный. Это и было «отсутствием у государства монополии на идеологию». В это время на официальном уровне поддерживалась внутренняя национальная политика, по содержанию своему русофобская – в этническом, а не гражданском смысле этого слова. Это провоцировало, как ответ на русофобию, создание на различных уровнях русских националистических объединений, действующих на той же волне противостояния, что и государство. Это не могло не отражаться на общей дестабилизации в области национальных отношений внутри большой многонациональной России: шла война в Чечне, процветал сепаратизм в Татарстане, повсюду, где имела сильная национальная элита, наблюдалось брожение сил недовольства. Российская Федерация готова была вслед за СССР расколоться на множество национальных республик. Однако «ленинский период» закончился с приходом к власти В. В. Путина, который осторожно, но последовательно и неукоснительно стал вводить в официальный прозападный дискурс дополнительный элемент народного патриотизма. Начался, условно говоря, «сталинский», а может быть, даже сразу «хрущевско-брежневский» период, где русское, народное начало берется в приглушенной и отвлеченной от этнографии форме. Этот вариант отличался от советского «народного патриотизма» тем, что в качестве силы, прославляющей Родину, был избран не какой-то отдельный выдающийся представитель народа, олицетворяющий сам народ, а территория страны. Сама Россия как страна, как цивилизация, как многонациональная держава становится предметом прославления «Родины», содержательной частью этого понятия, что было новым явлением в истории русского и российского патриотизма. Слово «новое явление» в данном случае мы употребляем без оценки – хорошо это или плохо. Заметим лишь, это похоже на то, что в допетровской Руси связывалось с понятием «Отечество», имевшим территориальные характеристики. Здесь вновь начинает действовать территориальный принцип, хотя в значительной степени безоценочный, нейтраль-

ный. Россия как Родина, как цивилизация – это не русская цивилизация, и народ, ее представляющий, – это не прошлый народ. Как цивилизация она, конечно, результат прошлой истории, но это прошлое безоценочное. Хотя совсем недавно в Конституцию было включено положение о государствообразующем русском народе, важная характеристика конкретности прошлого. Но в целом тема прошлого продолжает негласно табуироваться, потому что прошлая российская история была *русской историей*, а нынешняя история России – *российская*, гражданская, национальная, точнее, многонациональная. Она строится на совершенно ином принципе развития; главное в ней – паритет наций, консенсус, словно это естественный итог долгого исторического развития России. Хотя допетровская Россия имела совершенно иной путь целеполагания, он заключался в религиозной, православной цели развития. Послепетровская Россия лишь отчасти сохранила эту интенцию; в ней государственная цель *могущества и величия* соседствовала с народной целью в ее славянофильском осмыслении, а именно – *защиты* других народов, и прежде всего славянских, от агрессии и подчинения власти других государств, покушающихся на их свободу. При этом «народ» имел доступ к своему прошлому, и государство не препятствовало этому, а помогало. Что-то близкое имперскому воспроизводила и советская власть в сталинский и последующие периоды. Сегодня государственный патриотизм весь сосредоточен на настоящем, прошлое имеет в этой связи в значительной степени формальный и виртуальный характер. Оно вроде бы и есть, но оно не актуализируется, допускаются лишь легкие грёзы о нем, легкие напоминания, намеки, задача которых показать, что фундамент Российской государственности и культуры очень серьезный. Поэтому народный патриотизм хотя и получил возможность легального существования, но он в *еще большей степени*, чем в советское время, лишен своего подлинного основания, своей православности, русскости и, самое главное, самостоятельности.

Этим и объясняется то, что современное государство даже в условиях начавшейся войны (как многие считают, являющейся предтечей третьей мировой войны) позволяет себе вообще не прибегать к патриотическому чувству. Скажем, в начале СВО был очевиден русский народный патриотический подъем, тогда все время звучала русская тема. Государство постепенно и аккуратно стало локализовывать эту стихию: разрешило развлекательные программы на телевидении, не стало форсировать и четко обозначать разрыв с теми, кто не уехал, а остался, чтобы здесь проявлять свое недовольство происходящим, аккуратно погасило русский нар-

ратив, ослабило и незаметно погасило русский патриотический накал и перешло в привычный ему режим манипуляции общественным мнением. Оно отнеслось к войне, как к предвыборной кампании. Центр тяжести перенесло на ЧВК «Вагнер», известия о регулярных войсках почти пропали с экранов. Очевидна цель поменять основной акцент военного противостояния, чтобы больше не звучала тема войны против русских, против православия, но первенствовала тема войны против России, за ее богатства. Хотя Запад продолжает тотальную войну именно против русских, в этническом, культурном, религиозном смысле. Но российской власти, сдерживаемой глобалистскими задачами, все еще невыгодно отталкиваться от объективной реальности, поэтому в информационном, государственном пространстве и звучит тема, не соответствующая силе вызова врага. Однако соответствующая, кроме учета глобалистских тенденций, еще и современной, сложившейся в постсоветский период национальной политике России, в особенностях ее современного понимания. Это нас, безусловно, ослабляет.

Нам думается, что в скором времени наше государство, его верховная власть, столкнется с неразрешимой (в современных условиях) проблемой небывалого оскудения патриотических чувств в условиях нарастания масштабных вызовов, которые готовит нам коллективный Запад и которые, возможно, со временем использует и коллективный Восток во главе с Китаем. Огромная масса простого русского народа в России сегодня находится как бы между двух стульев, в то время как война идет уже не в Сирии, а у самых границ России. Этой массе ни в школах, ни в вузах, нигде не дается ясного понимания, что идет большая война, а значит, начались невиданные испытания для всей страны и время «большого, ежедневного смеха» на телеэкранах прошло. Как прошло очень многое, от чего

государство не собирается отказываться, думая, что скоро жизнь наладится и можно будет опять дружить с Европой и Америкой. Патриотизм сегодня не воспитывается в его сущностном, традиционном значении, не трактуется должным образом, это воспитание откладывается на потом, на последнюю минуту. Таковы сегодняшние реалии государственного патриотизма.

При этом современное Российское государство *понимает*, что русский патриотизм – это огромная сила, неизрасходованная сила *славянства* (в других славянских народах уже истощившаяся), это русская этническая сила, поднявшая когда-то на свои плечи Киевскую и Новгородскую Русь, объединившая их в Московскую единую Русь; это сонмы русских святых, спасавших свои души на просторах нашей страны и освятивших ее земли своей святостью и своей молитвой о Родине; это сила великого мира Российской империи, спаявшего воедино народы и религии христианской терпимостью, верой и любовью; это сила, породившаяся с атеистической советской силой, но не ставшая таковой; это сила многовековой традиции и многовекового опыта. Зная это, государство стоит перед дилеммой: меняться ему самому (радикально уходить от советской и постсоветской прозападных моделей) и возвращать народу его былое величие и былые возможности для выражения патриотической позиции на войне; или же продолжать идти западным путем: частной, профессиональной армии, опоры на могущество оружия, а не человеческий ресурс, с его подлинным патриотизмом. Но государство, судя по всему, все более склоняется к «третьему решению», к новой «евразийской идеологии», а значит, и к «евразийскому патриотизму», где Россия лишь удобный плацдарм между Западом и Востоком. И этот «географический патриотизм» «русский народ» должен будет принять из рук власти как свое новое будущее.

Источники и материалы

Житие преподобного Кирилла Белозерского, Вологодского чудотворца. Вологда, 1997.
Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV–XV века. СПб.: Наука, 1999.
Жития преподобных Ферапонта и Мартиниана Белозерских чудотворцев. Вологда, 1998.
Памятники Куликовского цикла / сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. М.: Русско-Балтийский информационный центр, 1998.

Научная литература

Бычков В. В. Византийская эстетика в XIII–XV вв. // Культура Византии. В 3-х тт. XIII – первая половина XV в. М.: Наука, 1991. С. 412–447.
Горский А. А. Представление о защите Отечества в Средневековой Руси (XI–XV вв.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.) / сб. статей. М., 1994.
Кириченко О. В. Общие вопросы этнографии русского народа. СПб.: Алетейя, 2020.
Комиссаренко А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке. М., 1990.
Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили // Лихачев Д. С. Избранные работы в 3-х тт. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1987.

- Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Изд. Дом «ЯСК»; Гнозис, 2022.
- Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // Литературные связи древних славян. Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXIII. Л.: Наука, 1968.
- Святитель Алексий митрополит Московский / сост. В. Б. Захарова. М.: Изд. Зачатьевского монастыря, 2015.
- Снегирев И. М. О начале и распространении лютеранских и реформатских церквей в Москве. М., 1862.
- Цветаев Д. Вероисповедное положение протестантских купцов в XVI–XVII веках. М., 1885.
- Цветаев Д. Литературная борьба с протестантизмом в Московском государстве. М., 1887.

References

- Bychkov, V. V. 1991. Vizantiiskaya estetika v XIII–XV vekakh [Byzantine aesthetics in the XIII–XV centuries]. In *Kul'tura Vizantii. V 3 tomakh. XIII – pervaya polovina XV veka* [Byzantine culture. In 3 volumes. XIII – first half of the XV century], 412–447. Moscow: Nauka.
- Gorskii, A. A. 1994. Predstavlenie o zashchite Otechestva v Srednevekovoi Rusi (XI–XV veka) [The concept of defending the Fatherland in Medieval Rus' (XI–XV centuries)]. In *Mirovospriyatie i samosoznanie russkogo obshchestva (XI–XX vv.)*. Sbornik statei [Worldview and self-awareness of Russian society (XI–XX centuries). Digest of articles]. Moscow. Zakharova, V. B. (ed.). 2015. *Svyatitel' Aleksii mitropolit Moskovskii* [Saint Alexy Metropolitan of Moscow]. Moscow: Izdatel'stvo Zachat'evskogo monastyrya.
- Kirichenko, O. V. 2020. *Obshchie voprosy etnografii russkogo Naroda* [General questions of the ethnography of the Russian people]. Sankt-Peterburg: Aleteiya.
- Komissarenko, A. I. 1990. *Russkii absolyutizm i dukhovenstvo v XVIII veke* [Russian absolutism and the clergy in the 18th century]. Moscow.
- Likhachev, D. S. 1987. Razvitiye russkoi literatury X–XVII vekov. Epokhi i stili [The development of Russian literature of the X–XVII centuries. Epochs and styles]. In *Izbrannye raboty v 3 tomakh*, by D. S. Likhachev [Selected works in 3 volumes, by D. S. Likhachev]. Vol. 1. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
- Losev, A. F. 2022. *Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa»* [Dialectic of myth. Supplement to the «Dialectic of Myth»]. Moscow: Izdatel'skii Dom «YaSK»; Gnozis.
- Prokhorov, G. M. 1968. Isikhazm i obshchestvennaya mysl' v Vostochnoi Evrope v XIV v. [Hesychasm and social thought in Eastern Europe in the XIV century]. In *Literaturnye svyazi drevnikh slavyan. Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Literary connections of the ancient Slavs. Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. XXIII. Leningrad: Nauka.
- Snegirev, I. M. 1862. *O nachale i rasprostranении lyuteranskikh i reformatskikh tserkvei v Moskve* [About the beginning and spread of Lutheran and Reformed churches in Moscow]. Moscow.
- Tsvetaev, D. 1885. *Veroispovednoe polozhenie protestantskikh kuptsov v XVI–XVII vekakh* [The Religious Status of Protestant Merchants in the 16th–17th Centuries]. Moscow.
- Tsvetaev, D. 1887. *Literaturnaya bor'ba s protestantizmom v Moskovskom gosudarstve* [Literary struggle against Protestantism in the Muscovite state]. Moscow.

RUSSIAN PATRIOTISM AS A HISTORICAL PHENOMENON

Abstract. The article is devoted to the current topic of «Russian patriotism» as a historical phenomenon that has nothing to do with nationalist topicality, arising from the ethnic mentality, ethnic culture, ethnic tradition of the Russian people that has been formed over many centuries. The author shows that Russian patriotism as a «feeling and knowledge», implemented in relation to the state, has gone through a long, centuries-old school of mastering high meanings, expressed in the concepts of «Russian land», «Holy Russia», «Moscow – the Third Rome», and this as an integral part of the established Russian ethnotype, with its specific ethnic boundaries and constants. We show that the Russian state, interested in the speedy and effective solution of purely state problems, from the beginning of the 18th century, pursues a new policy of formation of patriotism – separately state and folk patriotism. The pro-Western official course has been modified over the past three hundred years, but remains to this day. The contradiction underlying this model still has a negative impact on the effectiveness of patriotic education in the country, including Russian patriotism.

Keywords: Russian patriotism, Russian land, Holy Rus', Moscow – the Third Rome, Russian Orthodoxy, Slavism, ideology, ethnos, nation, fatherland, motherland.

For citation: Kirichenko, O. V. 2023. Russian patriotism as a historical phenomenon. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 32: 3–13